

Изд. 2. М., 1997. С. 555-556.

Пэдхем Ч., Сондерс Дж. Восприятие света и цвета. – М., 1978

Плотников Б.А. Аverbальные формы письменного текста и их содержание // Б.А. Плотников. О форме и содержании в языке. Минск, 1989.

Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Проблемы текстуальной лингвистики / Под ред. В.А. Бухбиндера. – Киев: Вища школа, 1983. – 175 с.

Протченко А. В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя (10.02.04 - германские языки): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Самара 2006

Романовская О.Е. Креолизованный текст и его восприятие реципиентом, принадлежащим к другой лингвокультурной общности // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Сер. Лингвистика / Вып. 2 (5). / Под общ. ред. д. филол. н., проф. А.И. Фефилова.- Ульяновск: УлГУ, 2000. С. 53-57.

Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке. Язык и порожденные речи. М., 1991. С. 221-237.

Сергеева О.В. Наружная политическая реклама в эпоху электронных медиа // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб. - Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 220-225.

Сигал К.Я. Проблемы иконичности в языке (обзор литературы) // Вопр. языкознания. 1997. №6.

Сидоров А.А. Книга и жизнь. – М., 1972

Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004 – 153 с.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

Тесля М. Е. По законам восприятия. М., 1969

Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН СЛЯ. 1998. Т.57. № 5.

Чаплыгина Ю.С. Текстовые категории лингвовизуального феномена карикатуры

Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10. 02. 01 – русский язык) – Екатеринбург, 2005

Шинкаренко М.Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: дисс... к.ф.н. – Екатеринбург, 2005

Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.

© Ворошилова М.Б., 2007

Зых А., Червиньски П.

Катовице, Польша

СЛОВА И ФОРМЫ ГРУППЫ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКО-ПОЛЬСКОМ УЗУАЛЬНОМ И СЕМАНТИЧЕСКОМ СОПОСТАВЛЕНИИ

Abstract

The article is devoted to the comparative analysis of Russian and Polish lexems, naming people by the kind of relationship (mother, father, brother, sister etc.), from the point of view of the subjective estimation forms. This material looks not symmetrically and not always synonymous, causing considerable difficulties for not native-speakers from the point of view of relevance of the appropriate forms using. The complex of parameters of the description is allocated: 1) word-formation and usual-stylistic loading of formants; 2) absence or presence of nominative differentiations (дядя / wuj, stryj; невестка / synowa, bratowa; племянник /

siostrzeniec, brataniec); 3) distinctions of stylistic markers – usual spheres; 4) subsequent semantics (use of investigated words as designations not of the relatives). The parameters correspond to the aspects cooperating among themselves –formants, nomination, usus, semantics – and assume at the following stages, derivative steps, specification and expansion with reference to a level of morphemes' structure compound.

Слова, называющие людей по виду семейно-родственных связей (*мать, отец, брат, сестра* и т.п.), также как и личные имена, с точки зрения образования форм субъективной оценки характеризуются значительной продуктивностью. Однако по-разному, не симметрично и не всегда однозначно в отношении используемых при их образовании формантов. Немалую трудность поэтому для не носителя языка составляют не только эта их непоследовательность и неоднозначность, но и само производство таких субъективно-оценочных форм, а также их речевое использование, представляющие собой для носителей данного языка сферу не осознаваемого автоматизма и имплицитных компонентов культурологической информации [Зиновьева 1999, Борисова 1999]. Какие формы возможны, какие из них и в какой мере активны, какие стилистически и/или сферой употребления ограничены и в каком отношении? Когда, в каких коммуникативных условиях, при каком обращении или использовании и с какой субъективно-оценочной характеристикой уместна та или иная из допустимых форм? Какую окраску и какой тип субъективного отношения проецирует тот или иной экспрессивно-оценочный или стилистически-модификационный суффикс и отчего может зависеть его не всегда однозначная роль? Эти и другие вопросы, требующие обращения к фоновым знаниям и объяснения ряда культурных и этикетных особенностей и стереотипов, свойственных данному языку, неизбежно могут возникнуть при его обучении и в процессе его речевого использования. Некоторые сведения по этой теме можно найти в статьях и научных работах по истории языка и диалектологии. Интересные данные, касающиеся названий степени родства и родственных отношений, а также создаваемых от них экспрессивных формообразований для польского языка содержат работы М. Шимчака [1966, 1969], П. Смочиньского [1962], С. Вархола [1984], Б. Креи [2002а, 2002б]. Однако чаще эти проблемы оговаривают обычно при описании отдельных формантов. При этом грамматики, словари, учебная литература не содержат ответа на приведенные нами вопросы. Напрасно искать по этим источникам соответствующих субъективно-оценочных форм в их более или менее полном объеме. Словари и грамматики эти формы фиксируют непоследовательно и только самые распространенные, поскольку это явления в первую очередь речевого узуса, а также потенциальной и субъективно-индивидуальной сферы языкового использования. Активность их к тому же обусловлена коммуникативно семейно-бытовой сферой [Сухих, Зеленская 1997, 1998], относясь к коммуникативным

событиям внутрисемейного типа общения [Борисова 2005: 15], с которыми не носителям языка, если и приходится сталкиваться, то обычно случайно и спорадически, с позиции внешнего наблюдателя и редко участника и изнутри. Собственные внутренние привычки, узуса своего языка, накладываясь на другой, иностранный, мешают понять и увидеть его речевую и экспрессивно-модификационную специфику. Интерференция в этой сфере, не наблюдаемой, не выражаемой, не осознаваемой, осваиваемой на самых ранних этапах овладения родным языком и обусловленной культурологически, неизбежно поэтому очень сильна и активна. Конфронтативное представление в связи с этим данного материала имеет особый смысл, позволяя выделить в нем то существенное, что без сравнения и сопоставления, могло бы быть неощутимым и незаметным. Особый интерес в этом смысле может представлять сопоставление двух близкородственных языков, строящих свои слово- и формообразовательные проекции на общем наборе корней и формантов, но по-разному их аранжирующих.

Неоднозначный и показательный материал для сравнения представляют собой уже сами исходные формы рассматриваемых обозначений, отображающие внутреннюю симметрично-асимметричную двойственность русского и польского отражений, воплощаемую также и далее, в дериватах. Для исходных же форм, в первую очередь и, видимо, не случайно, – в отношении женских обозначений. Так, если соотношения *отец* / *ojciec*, *сын* / *syn*, *брат* / *brat*, *внук* / *wnuk*, *внучка* / *wnuczka*, *дед* / *dziad*, *зять* / *zięć*, *сестра* / *siostra*, *мѣтка* / *ciotka*, *мечть* / *teść*, *мѣща* / *teściowa* можно определять как симметрию, то *мать* / *matka* и *дочь* / *córka*, с одной стороны, а *бабка* / *babka*, с другой, уже требуют объяснений в отношении различий форманта и стилистических маркеров – офиц. и неофиц., разг., неодинаково себя отображающих в русском и польском. К этому необходимо добавить асимметрию в именах типа *дядя* / *wuj*, *stryj* (одно русское слово, *дядя*, и два польских – *wuj* ‘дядя по матери’, *stryj* ‘по отцу’) *невестка* / *synowa* ‘жена сына’, *bratowa* ‘жена брата’, *племянник* / *siostrzeniec* ‘сын сестры’, *brataniec* ‘сын брата’, *племянница* / *siostrzenica* ‘дочь сестры’, *bratanica* ‘дочь брата’, с одной стороны, и *свёкор*, *мечть* / *teść*; *свекровь*, *мѣща* / *teściowa*, с другой, а также проблему вторых значений (названия не родственников), равно значимых, но не полностью совпадающих в отношении семантики и употребления для русского и польского языков, прежде всего для таких слов, как *брат* / *brat*, *дед* / *dziad*, *мѣтка* / *ciotka*, *дядя* / *wuj*, *бабка* / *babka*.

Таким образом, на первом этапе анализа выделяется следующий комплекс параметров описания обозначенных слов: 1) словообразовательная и узуально-стилистическая нагрузка формантов; 2) отсутствие либо наличие номинативных дифференциаций линии мужского и женского (*дядя* / *wuj*, *stryj*), а также прямого и бокового (*невестка* / *synowa*, *bratowa*; *племянник* /

siostrzeniec, *brataniec*); 3) различия стилистических маркеров – узуальных сфер; 4) последующая и связанно-обусловленная семантика (использование изучаемых слов в качестве обращений и обозначений не родственников). Параметры соотносятся аспектам, взаимодействующим между собой в отношении каждого – форманты, номинация, узус, семантика – и предполагают на следующих этапах, деривативных шагах, для себя уточнения и расширения применительно к уровню усложнения состава морфем.

Перейдем теперь к рассмотрению обозначенного парно-непарного материала, уточнив ряд намеченных положений. Прежде всего, это различная, точнее не полностью совпадающая в своих результатах, в определенном смысле асимметричная, роль суффикса *-к-* / *-k-*: русскому нейтральному нессуффиксальному *мать* соответствует польское нейтральное суффиксальное *matka*, также как русскому *дочь* – польское *córka*. И в этом месте, впрочем, как далее и в других, можно отметить внутреннюю тенденцию к симметрично-ассимметричному расхождению, требующему в своих деривативных и стилистических соотношениях комментария для русского и для польского языков, в чем-то имеющих общее, но различающихся затем в продолжениях и результатах.

Обратим внимание прежде всего на суффикс *-к-* / *-k-* с его наличием либо отсутствием в отношении женских названий по вертикали (исходные и нейтральные) и горизонтали (последующие, хотя не всегда производные, но не нейтральные):

<i>мать</i> – <i>матка</i> (устар.)	<i>matka</i> – <i>mać</i> (вульг.)
<i>дочь</i> – <i>дочка</i> (разг.)	<i>córka</i> – <i>córa</i> (книжн.)
<i>бабка</i> – <i>баба</i> (разг.-сниж.)	<i>babka</i> – <i>baba</i> (разг.-сниж.)
<i>мѣтка</i> – <i>мѣтя</i> (неофиц.)	
<i>внучка</i> – <i>внука</i> (устар.)	<i>ciotka</i> – <i>ciocia</i> (разг.)
<i>невестка</i> – <i>невеста</i> (др. знач.)	<i>wnuczka</i> – <i>wnuka</i> (устар.)
	<i>O</i> – <i>niewiasta</i> (др. знач., устар.)

Польский язык, тем самым, последовательно использовал суффикс *-к-* для образований исходно-нейтральных, вытеснив нессуффиксальные формы в сферу узуальных модификаций. В то время как в русском подобной последовательности нет: центральные женские обозначения – *мать* и *дочь* – нессуффиксальны, при наличии общей тенденции исходных нейтральных образований с суффиксом *-к-* для отношений последующих, чересступенчатых (*бабка*, *внучка*), боковых (*мѣтка*) и свойственных (*невестка*). Центр, тем самым, женская вертикаль отношения *мать* – *дочь* оказываются выделенными и акцентированными, что в первую очередь касается слова *мать*, суффиксального образования с *-к-* в том же значении в современном языке не предполагающего (Отмечаемый словарями русского языка дериват *матка*, как синоним существительного *мать*, характеризуется как обл. или прост.).

Сразу же возникает проблема легко оборачивающейся и с трудом различимой в использовании самими носителями номинативной

двойственности, затрагивающей неизбежно вопрос о роли суффикса *-k-* / *-k-*. Проблема касается слов *бабка* / *babka* и *мѣтка* / *ciotka*. Свойственная им узуальная двойственность симметрично отображается в такой же, хотя и несколько модифицированной, двойственности слов *дѣд* / *dziad* и, возможно, отчасти русского *дядя*. Двойственность эта связана с тем, что слова с суффиксом *-k-* / *-k-* для *бабка* / *babka* и *мѣтка* / *ciotka* закрепляются за узуальной сферой, определяемой по словарям как официальная и неофициальная и/ли разговорная, предполагая рядом стоящие и определяемые как тоже неофициальные и/ли разговорные формы *бабушка* / *babcia* и *мѣтя* / *ciocia*. Особенность данных номинативных форм состоит в том, что характеризующиеся как основные и исходные *k*-суффиксальные *бабка* / *babka* и *мѣтка* / *ciotka* не могут быть нейтрально использованы в присутствии или в обращении к определяемому этими словами лицу. Такое их употребление было бы воспринято как грубо невежливое (В словаре В. Дорошевского (SJP Dor.) можно найти пример, свидетельствующий о том, что использование слова *babka* для польского языка в ситуации непосредственного контакта не считалось чем-то несообразным: *A poculijże Kazek babkę. To babka, matka tatusia* / Rus. Wiatr 119 / *Ну, поцелуй же, Казек, бабуку. Это бабука, мать папы*. Так звучало бы данное предложение в переводе, заметим, не слишком привычно для русского языка. При этом уже самое форму *tatus* от *tata* (*nana*) передать узуальным и экспрессивно-эмоциональным эквивалентом на русский едва возможно: *папуся, папуля, папочка* – не те оттенки, не то отношение, совсем не то. Во многом это также отличие и этикетно-культурологическое). Использование их нормально предполагает необходимую отстраненность и отвлеченность, т.е. неконтактность, речевой ситуации, что, видимо, и нашло свое отражение в словарях как помета офиц., неофиц., разг. Контактное же употребление таких форм, как *бабушка* / *babcia*, *мѣтя* / *ciocia* (в присутствии, в обращении или в разговоре о них), определяется как неофиц. и разг.

Не было бы, тем самым, преувеличением сказать, что нейтральных обозначений в указанных случаях нет, есть коррелятивная номинативная пара форм (*бабка* – *бабушка* / *babka* – *babcia*; *мѣтка* – *мѣтя* / *ciotka* – *ciocia*), употребление каждой из которых регулируется показателем коммуникативной отстраненности либо близости, т.е. узуальным модусом.

В польском языке, однако, при указанном сходстве, все это выглядит несколько по-другому, попадая в иные соотношения в связи с узуальной и стилистической ролью *k*-суффиксальных образований. Прежде всего потому, что большинство существительных женского рода, входящих в состав оговариваемой группы и признаваемых в современном языке за основные, т.е. никак не окрашенные, содержит в своей структуре формант *-k-* (*babka*, *matka*, *ciotka*, *córka*). Слова, не имеющие суффикса, либо вышли из употребления в интересующем нас значении (напр. *mać*, выступающее в современном языке обычно как компонент вульгаризма с

сильной эмоциональной окраской: *psia mać*; в значении ‘мать’ оно сохраняется только в некоторых пословицах: *Jaka mać, taka pać* ‘какова мать, таковы и дети’; *pać* означает ‘ботва’), либо являются вторичными образованиями по отношению к словам с суффиксом *-k-*, появившимися вследствие обратной деривации, как, напр., слово *ciota* (разг.-сниж. ‘женщина отталкивающего вида либо злобная’; пренебр. ‘гомосексуалист’) и характеризующимися обычно высокой степенью пейоративной окраски, при этом значение, характеризующее степень родства, не является для них основным. В словаре под ред. Х. Згулковой (PSWPZg.) существительное *ciota* имеет 7 значений, среди которых то, которое указывает на степень родства, определяется как 6; слово в этом значении сопровождается пометой редкое, пренебрежительное. В словаре под ред. Б. Дуная (SWJPDun.) это значение не встречается.

К сказанному необходимо добавить возникающую для *баба* – *бабка* – *бабушка* / *baba* – *babka* – *babcia* словообразовательно-номинативную тройственность, получающую не совсем симметричное воплощение в формах (только для русского языка) *дѣд* – *дѣдка* – *дедушка*, с соотношением 0 / *-k-* / *-ушк-* и 0 / *-k-* / *-cia*. Несуффиксальная форма предполагает обозначением для *баба* / *baba* ‘замужняя деревенская женщина’ / ‘старая женщина’ [Черных 1999: I, 62], т.е. в первом определении – не родственница. Интересующее нас значение ‘мать отца или матери’ в древнерусском языке определяется как второе, т.е. последующее [Срезневский 1958: I, 35]. То же отмечает для XIX в. и В.И. Даль, замечая «более уптрб. умал. *бабка*, *бабушка*» [Даль 1955: I, 32]. В польском языке процесс вытеснения существительного *baba* в данном значении начинается в XIV в. [Boryś 2005: 19], его место занимает первоначально деминутивное образование с суффиксом *-k-* – *babka*.

В настоящее время в обоих сравниваемых языках немотивированные исходные *баба*, *baba* – слова многозначные. Среди словарей современного польского языка значение ‘мать отца либо матери’ отмечает для существительного *baba* (как четвертое) только словарь под ред. В. Дорошевского (SJP Dor.). Нет его при этом в новейших лексикографических источниках – ни в словаре под ред. Б. Дуная (SWJPDun.), ни в словаре под ред. Х. Згулковой (PSWPZg.). В современном русском языке это значение оттесняется еще далее, определяясь, в частности, в *Словаре русского языка в 4-х тт.* (МАС) уже как пятое, с дополнительным ограничением «обычно с именем собственным, разг., *баба Маня*» (МАС: I, 53).

И хотя в словарях современного польского и русского языков значение ‘мать отца или матери’ последовательно признается для существительных *babka*, *бабка* за основное, наблюдается неединообразие при характеристике эмоциональной окраски названных слов. В польских источниках существительное *babka* большинст-

вом лексикографов определяется как нейтральное и обычно дается без каких-либо стилистических сопровождений. Только в словаре В. Дорошевского (SJPDor.) слово это дается как синоним существительного *baba* в значении 'мать отца или матери'. В словаре под ред. Х. Згулковой (PSWPZg.) *babka*, также как *babcia*, дается без помет стилистического характера. И то и другое слово определяются как 'мать (реже тетка) отца или матери по отношению к их детям'. В то время как авторы *Innego słownika języka polskiego* (InSt.) определяют *babka* как несколько офиц., синонимичное слову *babcia*. Суффиксальная форма с *-k-* для *бабка*, закрепляясь в современном русском языке за значением 'мать отца или матери' как первое, характеризуется, однако, при этом при этом неоднозначно. В *Словаре русского языка в 4-х тт.* (МАС) с отсылкой к *бабушка*, как основному, но без пометы. В *Большом толковом словаре русского языка* под ред. С.А. Кузнецова (БТС) – также с такой отсылкой, однако с пометой для *бабка* как разг.-сниж. В *Тематическом словаре русского языка* (ТС) *бабка* толкуется как основная форма, с пометами офиц. и разг., а *бабушка* – как неофиц., что, видимо, следует принять как более точное определение.

И, наконец, третья форма *бабушка*, как следует из уже сказанного, для современного русского языка может быть определена в интересующем нас значении как основная, исходная (первое значение по всем словарям), но неофиц., разг., т.е. не нейтральная, коррелирующая с офиц. и разг. *бабка*. Несколько по-другому дело обстоит в польском языке. Существительное *babcia*, как правило, определяется как производное с оттенком ласкательности. Подобную трактовку можно найти, в частности, у В. Дорошевского, Б. Дуная, М. Шимчака. В то время как в словаре под ред. Х. Згулковой определение слов *babka* и *babcia* полностью совпадают. Нет здесь также помет, свидетельствующих об их эмоционально-экспрессивной окраске. В InSt. существительное *babka* рассматривается как офиц., в то время как совпадающее с ним по значению *babcia* помет не имеет, что дает возможность судить, что оно признается авторами как экспрессивно нейтральное, отличающееся только сферой употребления.

В связи со сказанным о номинативно-словообразовательной тройственности для *баба – бабка – бабушка* / *baba – babka – babcia* возникает вопрос о соотношении *0 / -k- / -ушк-* для русского языка и *0 / -k- / -cia* для польского в данном конкретном случае и при возможном его расширении, скажем, до словообразовательного типа, хотя бы и не без необходимых ограничений и оговорок: *дочь – дочка – дочушка, тётя – тётка – тётушка, мать – матка – матушка, дядя – дядька – дядюшка, дед – дедка – дедушка, зять – зятка – зятюшка, свекровь – свекровка – свекровушка, свёкор – свекорко – свекорушко, тесть – тетька – тетьушка, тёща – тещка – тещушка*.

Подобные соотношения польским лексемам анализируемой группы в целом не свойственны. Даже в случае такой триады, как *baba – babka – babcia*, как было показано ранее, отношения между компонентами не равнозначны отношениям, наблюдаемым на аналогичном русскоязычном материале. Пытаясь уложить коррелятивные тройки согласно модели *0 / -k- / -cia* для существительных, обозначающих лиц женского пола, связанных отношениями родства, можно было бы получить такие: *baba – babka – babcia; mama – mamka – mamcia; żona – żonka – żoncia*. Соответствующие триады для мужских соответствий выглядели бы следующим образом: *wuj – wujek – wujcio; stryj – stryjek – stryjcio, syn – synek – syncio*. Таким образом, они не охватывают всей тематической группы. Нет здесь дериватов от *matka, ciotka, siostra, teściowa, ojciec, zięć, teść* и т.п. Большей регулярностью при образовании производных оговариваемой группы характеризуется модель, в состав которой входят дериваты с формантом *-eczka (mać) mama – matka – mateczka, wujna – wujenka – wujeneczka, stryjna – stryjenka – stryjeneczka, córka – córka – córeczka*. Для существительных мужского рода это были бы формы с суффиксами *-aszek, -iszek muna wuj – wujek – wujaszek, stryj – stryjek – stryjaszek, brat – bratek – braciszek*. Следует обратить также внимание на модель *0 / -k- / -usia/-uś* для женского рода и *0 / -k- / -uś* для мужского: *baba – babka – babusia/ babuś, (mać) – matka – matusia/ matuś, córka – córka – córusia/ córuś, mama – mamka – mamusia/ mamuś, wnuka – wnuczka – wnusia /wnuczuś, ciocia – ciotka – ciotusia/ ciotuś, dziad – dziadek – dziadziuś, tata – tatko/ tatek – tatuś, wnuk – wnuczek – wnuczuś, syn – synek – synuś; здесь также ojciec – ojczuś*. И нет при этом образований от *siostra, wuj, teść* и т.п. Следует подчеркнуть, что в дериватах *mamusia, dziadziuś, tatuś* экспрессивность, передаваемая формантом, отчасти стерта. По всей вероятности это следствие частого употребления этих форм, так же, как и в отношении *babcia*.

Как можно заметить, трудно определить для польского языка модель, подобную русскому, которая могла бы охватывать почти все единицы (или немалую их часть), входящие в состав интересующей нас тематической группы.

Решение вопроса о соотношении формантов, если бы оказалось возможным, предполагало бы выводом по крайней мере следующие два следствия, интересные и показательные в отношении семантики выбранной тематической группы в ее номинативных проекциях (названия лиц по родственным связям), семантики в определенном смысле внутренней, имплицитной, скрытой, но потому и проявляющей себя на морфемном слово- и словообразовательном уровне: 1) какую, если не только формальную, опирающуюся на тип основы, подгруппу составляют слова, способные объединяться тройственным соотношением *0 / -k- / -ушк-* и *0 / -k- / -cia* или *0 / -k- / -usia/-uś*, отделяясь от тех, которые подобным соотношением не охватываются (*отец, сын, брат, внук, внучка, сестра, племянник,*

племянница; *ojciec, siostra, wuj, teść* и пр.); 2) каким значением обладают словообразовательные форманты *0 / -к- / -ушк-* и *0 / -к- / -cia / ... -usia/-uś* применительно к *баба – бабка – бабушка / baba – babka – babcia* и той подгруппе, в которой они себя проявляют в соотношениях (*дочь, тётя, мать* и т.п.). Указанные два следствия могли бы дать повод для рассмотрения скрытых аспектов семантики родственных отношений в русском и польском, с учетом отличий и сходств, а также дать ключ к рассмотрению других и последующих образований, суффиксальных и не суффиксальных, в данной группе, с другими суффиксами и от других основ, возможно также с определением и выводом для значений словообразовательных формантов, воспринимаемых как субъективно-оценочные и модификационные.

Заслуживает внимания при таком рассмотрении обращение к близким и коррелирующим значениям анализируемых номинативно-словообразовательных форм. Для *баба* это были бы 'деревенская (обычно замужняя) женщина; любая женщина; неопрятная женщина; жена, интимный партнер мужчины; бабушка (в речи детей)' (см. БТС), 'слабый, нерешительный мужчина, мальчик' (МАС). *Бабка* – 'бабушка; знахарка, ворожея' (БТС), 'старая женщина, старуха; повивальная бабка' (МАС). *Бабушка* – 'мать отца или матери; пожилая родственница; старая, пожилая женщина' (БТС), 'старая женщина, старуха' (МАС). У В.И. Даля и у И.И. Срезневского (для *баба*, двух других форм у Срезневского нет) даются те же значения, только в другом порядке. У Даля для *баба* сема 'замужняя' выносится на первое место, а затем только следует 'низших сословий', у Срезневского она присутствует как единственная при 'женщина'. И, наконец, еще одна немаловажная деталь, все три слова во всех своих возможных обозначениях лиц – и *баба*, и *бабка*, и *бабушка* – узуально закреплены и/или эмоционально окрашены.

Аналогичные польские существительные имеют значения подобные, хотя и в этом случае наблюдаются некоторые расхождения между двумя языками: во-первых, значения эти далеко не всегда совпадают, а во-вторых, по-разному может распределяться акцент между ними. Известные расхождения можно заметить уже в семантической структуре слов *baba* и *баба*. В словаре С.Б. Линде (SJPLin.) при описании данного существительного, для которого значение 'мать отца или матери' не является основным, обращается прежде всего внимание на возраст: *baba* – это, в первую очередь, женщина старая. Словом этим определяется также нищенка (*baba kościelna / церковная баба*), торговка, лотошница (*kupna baba*), сводница, акушерка, т.е., как и в русском, обращается внимание на ее низкий общественный статус. Помимо этого, *бабой* называют также замужнюю женщину. В этом последнем значении существительное *baba* сопровождается пометой фамильярное

(*rubaszny*). В современном польском языке на первый план выносится значение 'любая женщина, обычно зрелого возраста, но также и девушка (шутливо, насмешливо, фамильярно)'; в то время как значение 'деревенская (обычно замужняя) женщина', отмечаемое в словарях русского языка как первое, в польских источниках фиксируется как последующее. Так же как и в русском языке, рассматриваемому существительному приписываются значения 'жена или любовница' (InSt.), 'старая женщина'; 'женственный мужчина, юноша' (InSt.; PWSPZg.; SWJPDun.). В отличие от русского языка среди значений этого существительного нет такого, как 'неопрятная женщина'. Нет также отнесения *baba* к речи детей, как формы синонимичной *babcia*, а в новейших источниках отсутствует также значение, указывающее на родственные отношения, т.е. 'мать отца или матери'.

Как следует из словарей, семантическая структура польского существительного сложнее. В словаре польского языка под ред. В. Дорошевского отмечается 14 значений, приписываемых слову *baba*, среди которых только первых 4 можно признать за совпадающие в обоих рассматриваемых языках: 1. фам. и пренебр. 'женщина, жена'; 2. 'старая женщина, старуха'; 3. 'замужняя женщина, крестьянка'; 4. 'мать, тетка матери или отца'. Кроме этого, в отличие от русского языка, данному слову приписываются также такие значения, как 5. 'торговка, лотошница (особенно привозящая товар из деревни)'; 6. 'ведьма, колдунья'; 7. 'нищенка, убогая, бедная женщина, живущая за счет подаяний либо мелких услуг при костеле, кладбище'; 8. 'деревенская женщина, помогающая при родах, лечущая травами либо нашептыванием, знахарка' (совр. поэт.). В новейших словарях современного польского языка значение 4. 'мать, тетка матери или отца' не встречается. Вместе с тем появляются такие, как 'шутливо о женщине немалых размеров'; 'деревенская женщина, обычно пожилого возраста, умеющая лечить травами, помогающая при родах; занимающаяся также нередкой магией, заговариванием болезней и пр.' (SWJPDun.).

Как следует из сказанного, значение 'мать отца или матери', признаваемое в старопольском языке как основное для существительного *baba*, в современном языке оказалось практически вытесненным. На первый план выдвинулась сема 'женщина как таковая (не обязательно старая)', сопровождающаяся сильной пейоративно-аугментативной окраской, ср.: *Same baby uszą w szkole / В школе только бабы и учат; Baba za kierownicą / Баба за рулем*.

Среди многочисленных значений польского существительного *babka* (SJPDor. –14; PWSPZg. – 10; SWJPDun. – 7) как основное, также как и в русском, определяется 'мать (реже тетка) отца или матери по отношению к их детям'. Общими для обоих языков можно также считать 'деревенская женщина, помогающая при родах, знахарка', 'старая женщина, как правило, деревен-

ская'. Необходимо, однако, отметить, что значения эти занимают не одинаковую позицию в словарных статьях. В отличие от русского языка, в польском они находятся несколько на периферии. Значение 'старая женщина, как правило, деревенская', к примеру, в словаре Б. Дуная отмечается как 4, в словаре Х. Згулковой – как 3, а значение 'деревенская женщина, помогающая при родах, знахарка' в обоих названных словарях стоит на последнем месте (у Дуная – 7, с пометой редкое; у Згулковой – 10, с пометой стар.). Кроме этого следует обратить внимание на характерное только для польского слова *babka* значение 'молодая, привлекательная женщина', являющееся как бы противоположностью определения 'старая женщина'. В этом случае можно отметить известное расширение семантики слова, с переходом его, с одной стороны, на женщин зрелого возраста, а с другой, на молодых, и к тому же еще привлекательных.

Среди трех сопоставляемых пар лексем только имена существительные *babcia* (Как замечает Р. Токарски, форма *babcia* появляется в языке относительно поздно. Впервые слово это с пометой ласкательное отмечается в *Словаре польского языка* под ред. В. Дорошевского (1958-1969)) и *бабушка* не отличаются семантически. В обоих языках они имеют значение 'мать (реже тетка) отца или матери по отношению к их детям' и 'старая женщина, старушка'.

Таким образом, отвлекаясь от видов, порядка, оттенков и экспрессивно-стилистических модуляций, можно было бы вывести следующую закономерность. Несуффиксальная форма *баба* / *baba* первоначально отмечает гендерную реляцию 'женщина в отношении к мужчине; женское при мужском, женское зрелое, репродуктивное, родившее и рожающее' (у Даля дается показательное в этом отношении примечание к *баба* «особ. после первых лет, когда она была *молодкой, молодичею*»; *баба*, тем самым, фактически, родовая ступень женского полноразвития в роде-социуме, видимо, после рождения у нее ребенка, детей). В дальнейшем у русского слова *баба* усиливается в первую очередь сема статуса (низкое и зависимое) – 'деревенская (обычно замужняя) женщина', у польского *baba* – эмотивность пейоративного отношения к женскому зрелому, не молодому. К-суффиксальная форма *бабка* / *babka* первоначально характеризует ролевое отношение родового общего – 'женское родовое знающее, приобщенное к родовому сакральному'; с дальнейшим развитием в русском в сторону в первую очередь возраста и сакрального приобщения (*бабка* – старая и ворожея), в польском – в сторону нейтрализации возраста и усиления семы эмотивной близости родового (отсюда возможность обозначения молодого и привлекательного объекта в *babka*). Суффиксальная форма с -ушк- / -cia, как в русском, так и в польском языках, отмечает ролевое отношение родового ближнего, внутреннего и непосредственно сво-

его, т.е. *бабушка* / *babcia* – это, в первую очередь, 'бабка своя'.

В связи со сказанным -к- / -k- можно бы интерпретировать как формант, отмечающий изменение статуса, вывод на следующую ступень – женского общего родового или последующего по линии рожающего и/или продуктивного, применительно к рассмотренным номинативным формам. И, соответственно, -ушк- (-cia), по-настоящему -уш- (не эквивалент ли польского -uś?), поскольку -к- (-уш- + -к-) уже проявил значение, – как формант, для ступени последующего (*мать матери, мать отца*), отмечающий смысл, значение близкого и своего (Ср. выведенную нами на основе фольклорного материала закономерность соотношений суффиксов -к- / -ушк- / -еньк-, с семантикой все того же близкого, своего (приобщенного) для -ушк- [Червинский 1987]).

Показательно, что указанные соотношения можно заметить и во фразеологии (паремиологии), ср.: *Кто бабке не внук*, т.е. всякий; *Не к лицу бабке девичьи пляски* или *У всякой бабки свои ухватки*, отмечающие отстраненность, всеобщность, с одной стороны, и *Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит; Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*, предполагающие близость, освоенность, приобщенность, с другой. *Бабушка*, тем самым и прежде всего, своя, в то время как *бабка* – всякого (плюс к этому также внеконтактность / контактность к- и ушк-формы). Ср. польские обороты и выражения: *Baba z wozu koniom lżej* / *Баба с возу, кобыле легче*; *Gdzie diabeł nie może tam babę pośle* / *Где черт не может, там бабу пошлет*, в которых нет соотносительности с семейно-родственными связями; а также *Nie poznała babka swojej wnuczki w tańcu* ('о чем-либо неправдоподобном') / *Не узнала бабка своей внучки в танце*, *Moja babka jego babce podawała gruszki w czarce* / *Моя бабка его бабке подавала груши в шапке*, в которых указывается на отношения родства, а также *Jak babcię Kocham!* / *Как бабушку люблю!* (возглас), подчеркивающее известную близость и эмоциональную связь.

Тройственность соотношения 0 / -к- / -ушк- (0 / -к- / -cia; 0 / -к- / -usia/-uś), если отвлечься от связи с семантикой корня (*баб-* рассмотренных слов для русского языка) и вывести на представление типа, опираясь на выбранный тематический материал (обозначения лиц по виду родственных отношений), можно было бы интерпретировать как первичную, изначальную, и как вторичную – появляющуюся по аналогии и не в полной мере отображающую первоначальный смысл. К первой группе, как представляется, следовало бы отнести из названных ранее *тётя* – *тётка* – *тётушка*, *мать* – *матка* – *матушка*, *дядя* – *дядька* – *дядюшка*, *свекровь* – *свекровка* – *свекровушка*, *свёкор* – *свекорко* – *свекорушко*; *отчасти дочь* – *дочка* – *дочушка*, *дед* – *дедка* – *дедушка*, *зять* – *зятька* – *зятюшка*; а также такие довольно яркие в указанном отношении примеры, как *батя* – *батька* – *батюшка* и *мама* – *мамка* – *мамушка*; польск.: *mać* – *matka* – *mateczka*; *tata* – *tatka* – *mateczka*, *dziad* – *dziadek* –

dziadziś, córa – córka – córeczka, syn – synek – syneczek, brat – bratek – braciszek. Примерами для второй могли бы послужить соотношения *тесть – тестька – тестюшка, тёща – тёщка – тёщушка*, сохраняющие некую общую для типа тенденцию, но выводящие ее как бы в плоскость различий не столько оттенков значения, сколько эмоциональной окрашенности.

Возможны несколько видовых проявлений у соотношения *О / -к- / -ушк-* и ему подобных, имеющих отношение не столько к формантам, сколько к тематическим распределениям, дополнительным смыслам, действующим в группе свойства-родства. С одной стороны, возможны такие пары, как, скажем, *тётя – дядя и свёкор – свекровь, ciocia – wuj*, представляющие собой вид более или менее чистых и парных модификационных соотношений. С другой, типа *мать и дочь, дед и зять, matka и córka*, модификация форм которых предполагает непарность (нет пары по этому показателю у *мать – отец, дочь – сын, дед – баба, зять – невестка*) и узуальную и экспрессивно-эмоциональную не параллельность: *мать – matka – матушка, дочь – дочка – дочушка или дед – дедка – дедушка, зять – зятёк – зятюшка* совсем не то, что *тётя – тётка – тётюшка* или *дядя – дядёк – дядюшка* и т.п. С третьей стороны, *батя и мама*, допускающие очевидную лексикализацию, семантическое и узуальное обособление форм: *батя – батёк – батюшка, мама – мамка – мамушка* могут значительно различаться. И, наконец, такой вид, как *дева – девка – девушка (– девочка)*, определяющие позицию молодого доброго женского в роде-социуме, не с точки зрения родства-свойства, и могущие служить примером значительного расхождения, вплоть до лексемного обособления форм.

Пара *тётя – дядя*, польск. *wuj – ciocia* (В данном описании мы не учитываем существительное *ciota*, поскольку, как представляется, оно образовано от *ciotka* вследствие обратной деривации, по типу *szczota < szczotka*. Существительное *ciota* более ранние лексикографические источники не отмечают. Нет его ни в *Старопольском словаре* (SłStr.), ни у Линде (SJPLin.). Появляется оно в словаре Й. Карловича, А. Крынского и В. Неджведзкого (SJPWag.) в значении 'женщина-ведьма', и нет здесь указания на значение, определяющее родственные отношения. Слово это отмечают также современные словари, приписывающие ему такие значения: пренебр. 'неприятно о женщине нехорошей или некрасивой'; вульг. 'гомосексуалист'; прост. 'менструация, месячные'; охотн. 'старая лань или самка оленя'; обл. 'колдунья, ворожея'; редк., пренебр. 'сестра или кузина матери либо отца, а также жена брата матери либо отца'; уголовн. 'лицо, которому доверяют'. Здесь, так же как и в случае с *mać, baba* мы имеем дело с пейоративной окраской, оказывающейся при этом, однако, следствием действия словообразовательных процессов) не полностью симметрична, по крайней мере в определениях по словарям. Словари современных русского и польского языков в качестве основных форм отмечают *тетка, ciotka*. В ТС слово *тетка* сопровождается также пометами офиц., неофиц., а *тетя* – пометой неофиц.; в MAC существительное *тетя* определяется как разг., а при слове *тетка* нет никаких помет; достаточно офиц. признает-

ся слово *ciotka* в (InSt.); в остальных (SJPDor., SJPSzym., SWJPDun.) пометы отсутствуют; существительное *ciocia* при сопоставлении с *ciotka* рассматривается как уменьшит. (SJPDor.) либо ласкат. В MAC и ТС исходной и основной признается форма *тётка* (в ТС сопровождаемая пометами офиц. и неофиц., *тётя* – как неофиц., в MAC *тётя* как разг., *тётка* – без помет). В БТС обе формы даны без помет, но *тётя* определяется как исходная (*тётка* содержит отсылку к *тётя*). Узуальную корреляцию этих форм можно бы уподобить по данному отношению рассмотренной ранее, выведя соответствие: *бабка, babka* так относится к *бабушка, babcia* как *тётка* к *тётя, ciotka* к *ciocia*. Соотношение же *дядя – дядёк, wuj – wujek* интерпретируется совершенно иначе. В интересующем нас значении 'брат отца или матери' по всем источникам исходной формой признается *дядя / wuj*, а *дядёк* толкуется как фамильярное (БТС), разг. уничижит. (MAC), ТС этой формы, как эмоционально окрашенной, не дает. Словари польского языка существительное *wuj* дают без помет, в то время как *wujek* отмечается как разг. и фамильярное. Роль суффикса *-к-*, тем самым, оказывается совсем не такой, как *-к-* при словах женского рода (польский *-ек* соответствия к женскому *-к-* не имеет). Посмотрим, однако, на то, что их может объединять. Обратимся для этого к значениям близким и смежным.

В MAC *тётка* определяется, помимо того, что она 1. Сестра отца или матери, как || Жена дяди (не *дядёк!*); 2. Прост. Взрослая женщина вообще, а также обращение к женщине, более старшей по возрасту; *тётя* – разг. то же, что *тётка* (в 1 знач.) и то же, что *тётка* (во 2 знач.), с указанием «обычно в языке детей». В БТС *тётка* 1. = Тётя (1 зн.); 2. Пренебр. О всякой взрослой женщине; *тётя* 1. Сестра отца или матери по отношению к племянникам; 2. Разг. О знакомой женщине среднего возраста, с пометой «только в сочет. с уменьш. формой собственного имени» (*тётя Даша*, к примеру); 3. Незнакомая женщина, с указанием «в речи детей».

Аналогичные польские существительные объясняются следующим образом: *Ciotka* 'сестра или кузина матери либо отца'; прост. 'менструация'; уголовн. 'гомосексуалист' (PSWPZg.); *ciocia* ласкат. 'сестра или кузина матери либо отца'; 'женщина, находящаяся в близких отношениях с родителями ребенка, хорошая знакомая' (PSWPZg.); в InSt. дополнительно замечается: *Ciocia* называем свою знакомую. Слово используется при детях и в разговорах с детьми.

Дядя в MAC, соответственно, 1. Брат отца или матери. || Муж тётки; 2. Разг. Взрослый мужчина вообще, а также обращение к мужчине, более старшему по возрасту. || с определением. Шутл. О рослом, сильном мужчине. *Дядёк* 1. Разг. Уничиж. к дядя. 2. Разг. Взрослый мужчина вообще. 3. Устар. Слуга в дворянских семьях, приставлявшийся для надзора за маль-

чиком, а также служитель в дореволюционных мужских закрытых учебных заведениях. Лицо (обычно унтер-офицер), которому поручалось обучение новобранца в царской армии. Толкование этих форм в БТС существенным образом от приведенных не отличается.

Польские существительные *wuj* и *wujek* определяются подобными, хотя и не совпадающими, значениями. И здесь на первый план выдвигается значение, указывающее на родственность отношений, ср.: 'брат матери, реже отца (В польском языке имеются два разных слова для определения 'брата отца' и 'брата матери'. Брат отца – это *stryj*, брат матери – *wuj(ek)*. В современном литературном польском, а также в некоторых говорах форма *stryj* все более выходит из употребления. Ее место занимает форма *wuj*. Подробнее об этом [Szymczak 1966: 94-102]); муж сестры матери, реже отца, двоюродный брат матери, муж двоюродной сестры матери; дальний родственник'. *Wujek* фамиллярно 'о дяде' (SWJPDun.); с эмоциональной окраской о дяде || *Dobry wujek* о человеке, который делает что-либо бескорыстно, особенно дает деньги; разг. 'близкий знакомый родителей или родителя'; во мн.ч. дядя с женой – *wujostwo*; прост. 'вор-карманник' (PSWPZg.).

Основная тенденция в русском языке, тем самым, для данной пары предполагает соотношение дядя и тётка. Суффикс -к- у дядя отмечает модификацию к эмоциональному понижению и/или что, в общем-то, в словообразовательном отношении аналогично, к отстранению (ср.: дядька – взрослый мужчина вообще или уничижительно и фамиллярно о дяде, в его присутствии и обращении к нему такая форма была бы очень резкой, насмешливо-пренебрежительной, грубой) и ролевой обобщенности в родесоциуме (дядька – слуга, воспитатель). Для исходного тётка нессуффиксальная форма тётя дает своего рода встречный по отношению к паре дядя – дядька эффект, предполагая эмоциональное и ролевое сближение – в обращении к ней, в ее присутствии, в речи детей о незнакомой женщине среднего возраста.

Иначе складываются эти соотношения в польском языке. Формант -ек придает существительному *wuj* оттенок ласкательности, указывая на близость, фамиллярность отношений между людьми, не обязательно связанными родством (дядюшка в русском языке). Форма *wujek* обладает, тем самым, такой же эмоциональной окраской, что нессуффиксальная *ciocia*.

Из сказанного не следует противоположение дядя – близкий, свой, а дядька – чужой, сторонний; в то время как тётка и тётя отличны лишь узуально (смещение отличий у этих форм в БТС можно отметить как тенденцию к аналогии, уподоблению с дядя – дядька, характерную для новейшего времени). В русском языке целый ряд выражений иронически обыгрывает двойственный характер кажущейся близости дяди: *Добрый дядя* (о человеке, щедром за чужой счет); *На (чужого) дядю (для дяди) работать; для дяди делать что-л.* (работать, де-

лать без выгоды для себя); *Надеяться на (доброе) дядю* или *на чужого дядю* (рассчитывать на то, что дело будет сделано кем-то другим или делается само собой). В определенном смысле нессуффиксальная форма дядя лежит вне этого противоположения, семантика близости-отстраненности имеет в этом случае, по-видимому, не столько словообразовательный, сколько лексический смысл. Само значение слова двойственно, объединяя признаки своего неблизкого, своего бокового, стороннего: взрослый мужчина поколения родителей, своего рода-социума, снимая в нем, как в постороннем, опасность чужого и неприязненного (при обращении к нему, разговоре о нем, в отношении младших, детей). Эмоциональное и стилистическое в суффиксе -к- имеет отчасти характер вторичный и сопровождающий. В польском языке на первый взгляд ситуация выглядит аналогично. Различие можно увидеть в характере эмоциональной окраски. И хотя употребление обеих форм, т.е. *wuj* и *wujek*, возможно при непосредственном обращении к лицам, с которыми имеются родственные отношения, использование формы *wuji* указывает на меньшую степень близости и уважение, в то время как суффиксальная *wujku*, напротив, на большую близость, не обязательно являющуюся следствием родственных отношений. Об этом свидетельствуют такие устойчивые словосочетания, как *Wuj Sam / Дядя Сэм* (персонифицированное обозначение правительства США, американского народа, американцев, ср. русск. ирон. дядюшка Сэм в том же значении); *Mów mi wuji / Говори мне «дядя»* – предложение формы близкого обращения, но в известных границах, без фамиллярности, *Ale dobry wujek (wujaszek) / Ну, добрый дядюшка* – о человеке который делает что-либо бескорыстно, особенно когда дает деньги.

В форме дядька подчеркнуто ощутимо значение социально более низкого: дядька – слуга при мальчике, служитель, воспитывающий (ср. в том же социально понижающем смысле и с тем же суффиксом: *Ванька* – извозчик, *Васька* – мальчик на побегушках, приказчик, *Галка, Манька, Парашка* – женские слуги при доме, сюда же *девка, чернавка, мамка* – кормилица, *бабка* – повитуха, знахарка; польск. *dziewka, mamka, babka*). Наличие суффикса -к- в этих формах отнюдь не случайно, но, как нам кажется, оно тесно связано, взаимодействует с семантикой, обусловленной узусом применимости слова, в определенном смысле сплавляясь с ним. Семантику формы с -к- в каждом подобном случае следует соотносить со значением формы без -к- (*дева, мама, баба; тата, baba* и пр.), в которых семантический признак более низкого статуса, неполноправия и т.п. уже обозначен: *дева* – женщина до замужества, т.е. неполноправная, не хозяйка, не мужняя, зависимая от отца и в роде отца; *мама, тата* – не только, а первоначально не столько мать, сколько няня, кормилица (у Срезневского – только кормилица, мамка;

в SlStp. *mama* имеет значение 'мачеха', 'мать', 'няня'); *баба / baba* – замужняя женщина, в первую очередь низших сословий, крестьянка.

Обратимся к примерам несколько иного рода. Существуют слова, внутри рассматриваемой тематической группы, для которых наличие суффикса *-k-* (*-k-*) нетипично и/или же представляет собой узуально и эмоционально обусловленный вид речевого употребления, вторичного и развивающегося по аналогии. К ним относятся *муж, отец, внук, сын, брат, сестра* (*maż, ojciec, teść, siostra*), в основном мужские обозначения, из которых только *сын* и *брат* имеют *k*-суффиксальные формы *сынка* и *братка* – современные разг.-сниж., фам.-ласк., малоупотр. и словарями не отмечаемые.

В польском языке ситуация в отношении *k*-существительным *brat, syn, wnuk* выглядит несколько по-другому. В большинстве словарей современного польского языка существительное *wnuczek* обозначается как ласкательная либо уменьшительная форма по отношению к *wnuk*. Как представляется, правы авторы InSl., которые при существительном *wnuczek* не отмечают его ласкательного характера. Так же как и в случае с другими мужскими обозначениями в группе родства: *dziadek, wujek*, в которых деминутивно-эмоциональное отношение все более нейтрализуется. В современном языке эти образования, в отличие от соответствующих существительных, их мотивирующих, отличаются в первую очередь сферой употребления: *wnuk* имеет характер официальный, в то время как *wnuczek* используется главным образом в сфере семейной и характерен для разговорной речи. Использование в разговорной речи существительного *wnuk* применительно к маленькому ребенку имеет оттенок возвышенный (ср.: *To jest mój wnuk – mówi z dumą babcia o dopiero co narodzonym dziecku / Это мой внук – говорит бабушка о новорожденном*). Вместе с тем форма *wnuczek* применительно к взрослому человеку будет содержать оттенок ласкательности и сердечности. Иную роль играет суффикс *-ek* в существительном *synek*. Дериват этот функционирует в общеупотребительном языке как ласкательное определение сына либо как фамильярное обращение к мальчику или же молодому, значительно младшему, человеку, к которому говорящий испытывает чувство сердечности. Суффикс *-ek* в данном случае вносит, с одной стороны, значение деминутивности (о малом ребенке, младшем), с другой, ласкательности и сердечности. В свою очередь, область употребления формы *bratek* < *brat*, как можно судить на основе словарных материалов, ограничивается сферой семейной, в которой данная форма функционирует как редко употребляемое ласкательное и фамильярное обозначение брата. В общеупотребительной литературной речи чаще всего она появляется как шутовское, ласкательное и фамильярное обращение к близкому человеку, товарищеское обращение, ср.: *Tuś mi się ukrył bratku! / А, вот ты где, братец!* либо в

поговорке *Nie śmiej się bratku z cudzego przypadku / Не смейся, браток, над чужим невезением*, в которой она выступает в лишенном экспрессивности общем значении 'человек, ближний'.

Отсутствие *k*-суффиксальных форм в русском языке у слов рассматриваемой тематической группы, безусловно, связано с типом основы: не мягкая (как в *мать, дочь*, хотя ж в *муж* и *ц* в *отец* исторически были мягкими, а *-ьць* в последнем слове праслав. суффикс), ударная флексия у *сестра* (не как в *баба, дядя, тетя*). Можно предположить, что характер основы в данном случае также был не без значения, но это не будет иметь отношения к нашему рассмотрению. Достаточно констатировать не случайность отсутствия *k*-суффиксальных форм для такой-то подгруппы, о чем дополнительно может свидетельствовать отсутствие деривата с суффиксом *-k-* в польском языке (основательное исследование подобных форм на предмет отсутствия суффикса выходит за рамки данной работы).

Вместе с тем в том же интересующем нас русском материале есть также слова (помимо рассмотренных), имеющие формы с суффиксом *-k-* и соотносимые с несуффиксальными, для которых характер соотношения *-k-* / 0 может позволить лучше понять определяемую роль форманта. Это *батя, матка, дедка, дочка, жёнка, детки*. Суффиксальные формы этих слов нередко лексикализуются, отходя от значения несуффиксальной формы. Не меняя значения, как экспрессивные формы, они типично используются, определяясь не только эмоцией говорящего, но и, едва ли не в первую очередь, условиями употребления, будучи характерны для узуса той или иной среды, того или иного вида межличностных отношений. Характер таких последующих значений и узуально-коммуникативных предопределений может дать материал к пониманию смысла словообразовательного форманта.

Рассмотрим соотношения форм указанных слов. *Батя* в МАС: *Прост. и обл.* Отец; *батяка* – *Прост. и обл.* Отец; *батьюшка* – 1. *Устар., обычно почтит.* Отец. 2. *Разг.* Ласк.-фам. обращение к собеседнику. 3. *Разг.* Священник. У Даля специальных различий в значениях между формами не отмечается, указывается на старинный и областной их характер, а также || почтительно и ласкательно (*батя*), привет всякому стороннему человеку, смб. *батя, батяня* батяка и брат, братаня, приятель, товарищ. || Старший по чину или званию говорит иногда младшему *батьюшка*, давая понять, что снисходит к нему, но что они, впрочем, не ровни. Интересен там же в рассматриваемом отношении пример: *У меня, молодца, четыре отца, пятый батюшка*, Бог, царь, духовник, крестный и родитель. *Батьюшка*, тем самым, как бы, если в ряду других и в первую очередь, тот из старших мужских наставников, покровителей, который ближе всех остальных. В БТС: *Батя* 1. *Трад.-*

нар. Отец. 2. Фам. Священник, поп. 3. Разг. О командире воинского подразделения. *Батька* 1. Трад.-нар. = Батя (1-2 зн.). 2. На Украине, в Белоруссии и на юге России во время Гражданской войны: глава вооружённых формирований. *Б. Махно. Батюшка* 1. Трад.-нар. = Отец. | О Боге или царе. 2. Священник. 3. Нар.-поэт. О чем-либо дорогом, жизненно необходимым, важном. *Хлеб-батюшка. Амур-батюшка*. 4. = Батенька (ласк.-фам. обращение к собеседнику).

Выразительна и отдельна, тем самым, форма с *-ушк-* (*батюшка*), отмечая идею контакта и приближения, особой, внешне отображаемой, *ищущей* и почтительной, почитающей, близости, близости устанавливаемых, завязываемых, подчеркнутых отношений к тому, кто обозначается корнем слова. Отсюда и ролевой характер (модели рода и социума) в традиционно-обрядовых текстах, в фольклоре форм типа *матушка, батюшка, детушки*. Суффикс *-к-*, как представляется, отмечает семантику близости равному и/ли стороннему. Это форма контакта не ищущего, уверенного в установленной связи и поэтому внутренне непосредственного, освоенного. Отсюда возможность использования ее о третьем лице, вне его присутствия, либо о нем при нем, но как об освоенном, сообщаемом другому. В формах *матка, дедка, дочка, жёнка, детки* указанные оттенки употребления, связанные, с одной стороны, с вторичной семантикой лексикализации и эмоционально-экспрессивными и стилевыми (среды, регистра) сопровождениями речевого узуса, с другой, хорошо заметны. Укажем только на некоторые особенности названных форм. У Даля *матка*, кроме прямого значения матери: || баба, женщина; || самка (кобыла, пчела); || предводитель в игре; || женская утроба, черевко; || плодник (у растений); || источник чему-либо, место рождения, происхождения, корень и пр. В БТС 1. Самка-производительница у животных; 2. Внутренний женский половой орган; 3. = Маточник; 4. Нар.-разг. = Мать; 5. Нар.-разг. О вожаке, предводителе в некоторых играх. Значение у *матка* (по сравнению с *мать*) выходит более широкое, общее, гиперонима, вне контакта, не привязанное, не личное – по роду и родовое.

Дедка в МАС дается как уничиж. и ласк. к дед. У Даля *Дедушка* или *дедка*, почетное прозвание домового (отличие контактно-ищущей и внеконтактной, освоенной формы), в то время как *знахарь* или *колдун* – *дедок* (ср. коррелят того же значения, ‘знахарка, колдунья’ – *бабка*, т.е. в данном случае *-к-* женского рода соответствует *-ок*, а не *-к-* мужского).

В польском языке для обозначения ‘отца матери либо отца’ наряду с унаследованным из праславянского языка существительным *dziad* существует первоначально деминутивная, а в настоящее время нейтральная, форма *dziadek*. В SłStp. существительному *dziad* приписываются значения ‘отец матери или отца’ и ‘предок’. Словарь Линде, помимо этих значений, отме-

чает также ‘старик’ и ‘нищий’. В том же источнике *dziadek* рассматривается как уменьшительное образование от *dziad* со значением ‘старик, отцов либо материн отец’, ‘старичок’. В современном языке существительное *dziad* в значении вида родственных отношений признается официальным либо устарелым. Чаще всего данное слово функционирует как возвышенное определение предка либо как пренебрежительное определение старого или бедного человека, нищего (*dziad kościelny* / церковный дед). Используется также как оскорбительное определение, передающее неприязненное отношение к человеку, мужчине, совершившему что-либо возмутительное (*Oszukał mnie dziad jeden* / Надул меня, этакий дед – InSł.). В этом последнем значении компонент ‘старый’ не играет существенной роли. Словом *dziad* можно назвать, как дается в PSWPZg., любого мужчину «независимо от возраста и общественного положения, в просторечном употреблении также, напр., в значении учитель, профессор, работник служб безопасности, дворник, полицейский, мелкий воришка» (PSWPZg.: 10, 107). Для существительного *dziadek* значение ‘отец матери или отца’ считается основным. Слово это может, также как *dziad*, выступать в значениях разг. ‘старый человек, мужчина’, ‘бедный человек, живущий подаяниями, нередко старый’. *Dziadkami* называют родителей отца или матери, т.е. дедушку с бабушкой. Кроме этого, данному существительному приписываются значения ‘инструмент для раскалывания орехов, щелкунчик, орехокол’, карт. ‘фиктивный игрок, воображаемый участник игры, замещающий партнера, необходимого для полноты состава’, арм. ‘солдат второго года военной службы’. На основе приведенных здесь дефиниций можно сделать вывод, что семантические компоненты в случае оговариваемых лексем подобны, однако по-разному распределены. В то время как для существительного *dziad* на первый план выдвигаются компоненты ‘старый’, ‘низкое общественное положение’, для *dziadek* ведущим становится компонент, указывающий на родственные отношения и известную близость. В существительном *dziadek*, тем самым, родственность отношений и близость передается фактически с помощью суффикса *-ek*. Дополнительно в пользу данной интерпретации говорят также факты, следующие из сопоставления форм *dziadowie* и *dziadkowie*. *Dziadowie* – это все предки, в том числе и самые дальние, *dziadkowie* же – это родители наших родителей, т.е., тем самым, люди нам близкие. Еще более сильно данная близость подчеркивается в существительном *dziadziś*, являющимся ласкательным определением дедушки.

Дочка в МАС во 2-м знач. «В обращении к молодому или взрослому человеку к молодой женщине, девушке, девочке». В БТС также *маменькина дочка* (о слишком избалованной, изнеженной девочке, девушке), *дочушка* дается как усилит. У Даля различия в формах специально не

оговариваются, но показательны употребления форм во фразеологии: *По матери дочка пошла. Материна, отцава дочка* (свое и близкое, для себя, в отношении себя) и *Дочь, чужое сокровище. Хоть да корми, учи да стереги, да в люди отдай. Сын в дом глядит, дочь из дому* (свое для других, в чужой род). И *дочка* или *дочка*, *дочуха* (обл.) свинка, молодая свинья, т.е. самка (ср. в коррелятивном знач. самки – *матка*). Суффикс -к- в данном случае (*дочь* – последнее и младшее) отмечает близость внутренне своего, своего как данного (потому и контакта не ищущего). Контактная форма *дочушка* в этой связи не то же, что *матушка* или *бабушка* как ролевые, с оттенком почтения, а эмоционально усиленная форма особо подчеркнутой внутренней близости.

Отношения между польскими существительными *córa*, *córka* выглядят по-другому. В польском языке существительное *córka* в современном языке рассматривается как нейтральное и немотивированное, в то время как *córa* трактуется как производное, появившееся вследствие обратной деривации и отмеченное стилистически. Слово это определяется как книжное, высокое, торжественное, в ряде случаев разговорное. Ситуация, тем самым, выглядит прямо противоположно тому, что имеет место в русских примерах. В отличие от русского языка морфема -к- в польском слове играет роль чисто структурную. Его первоначальный деминутивный характер подвергся нейтрализации.

Анализ словарных статей словарей современного польского языка позволяет считать, что основные значения в обоих случаях одинаковы. С одной стороны, *córa*, *córka* указывают на родственные отношения (ср. пословицы: *Jaki wół, taka i skóra, jaka mać, taka i córka* / *Каков вол, такова и шкура, какова мать, такова и дочь*; *Jaki bochen, taka skórka, jak matka, taka córka* / *Какова буханка, такова и корка, какова мать, такова и дочка*), с другой стороны, – на отнесенность к какому-то коллективу (народу), ср.: *Bohaterskie córki i synowie narodu* / *Героические дочери и сыновья народа. Synowie i córki Warszawy* / *Сыновья и дочери Варшавы*; *Córki Kościoła* / *Дочери Церкви*, с тем характерным отличием, что первое слово (*córa*) возвышенно. Отличие касается также сферы употребления. *Córka* и мотивированные им деминутивные образования (*córeczka*, *córuśna*, *córeńka*) используются в функции фамильярных форм обращения к девочке или значительно младшей женщине (*Żal mi cię, córko, ale wszyscy cierpiemy* / *Жаль мне тебя, дочка, но мы все страдаем*). Что невозможно для слова *córa*.

Форма *жёнка* по своему характеру тяготеет к семантике -к- в словах *мамка*, *дядька*, *бабка*, обозначая (у Даля) женщину, бабу, жену и вдову простолюдина, арх.(ангельское) пощенница, отмечая, тем самым, как бы понижение статуса и роль зависимого. Однако не полноправна, зависима от мужа была и жена, поэтому -к- усили-

вает и закрепляет регистровое снижение семантикой внеконтактной, освоенной (своейской) близости. В современном языке форма *жёнка* определяется как разг.-прост. и фам.-ласк., подчеркнутой непосредственности, свойкости употребления. В современном польском языке существительное *żonka* функционирует как ласкательное обозначение женщины, состоящей в браке с данным мужчиной. От мотивирующего слова оно отличается единственно эмоциональным оттенком, придаваемым суффиксом -к-.

И, наконец, *детка*, *детки* можно рассматривать в том же ключе, в отличие от *дети* и *детушки*. В БТС *детка* – разг. обращение к ребенку; одно из названий личинок и куколок пчел (корреляция к *матка*), также и в МАС; *детки* – ласк. дети; об отростках, молодых побегах растений. У Даля тенденция та же: различия между формами нет, но из фразеологии следует особая близость у *детки* (как в *дочка*); обращает внимание также значение || В виде ласки, привет младшему, подчиненному, а от духовного лица всем мирянам (коррелят *бабушки*). *За мною, детки; вперед деточки, детушки!* привет и одобрение солдатам. Младшее, неполноправное, близкое как свое зависимое проявляет себя в семантике слова (*дети*, *дитя*); суффиксы -к- и -ушк-, в свою очередь, определяют значение употребления, акцентируя ту или иную форму внутренне своего и потому к нему нисходящего (*детки*) или контактно ищущего и/ли контакт устанавливающего (*детушки*).

Среди польских слов-соответствий *dzieci*, *działki*, *dziecko*, *dzieci*, только существительные *dziecko*, *dzieci* нейтральны. *Dziecko* в современном языке используется в следующих значениях: 'человек от рождения до периода созревания', 'потомок человека (редко животного) независимо от возраста: сын или дочь'; 'типичный представитель какого-то времени, периода' (SWJPDun.), напр.: *dziecko ulicy* / *дитя улицы*, *dziecko wojny* / *дитя войны*. Кроме этого, данное существительное может выступать в качестве сердечного обращения к взрослому человеку (следовало бы добавить, как правило, младшему), хорошо знакомому: *Moje dziecko, trzeba więcej na siebie uważać* / *Дитя мое, надо больше себя беречь*. Это также форма обращения представителей духовенства к прихожанам. Данное существительное, тем самым, несмотря на то, что в его составе имеется морфема -к-, можно интерпретировать подобно русским бессуффиксальным *дети*, *дитя*: 'некто младший, находящийся в зависимом отношении, некто близкий'. Подобным значением обладает также существительное, унаследованное из праславянского, *dzieci*, с тем только отличием, что оно является стилистически и эмоционально окрашенным. В словарях современного польского языка в своем основном значении 'ребенок' оно сопровождается пометами книжное, возвышенное, поэтическое либо шутовское. И только в SJPDoG. ему приписывается оттенок

ласкательности с такой пометой 'ласкательно, в настоящее время в основном возвышенное и поэтическое о ребенке'. Существительное это может также выступать в переносном значении 'лицо, воспитанное в определенной среде или времени': *dziecię natury / дитя природы*.

Существительное *działki*, используемое для обозначения детей, а также иногда молодых животных, в настоящее время определяется как книжное, устаревшее или шутовское. В современном языке появляется чаще в текстах религиозных — проповедей, комментариях священных текстов, в которых, с одной стороны, используется в качестве обращения к детям, а с другой, к собранию верных, выполняя, тем самым, функцию, подобную функции существительного *dzieci*.

Значения анализируемых форм, как следует из всего сказанного, обуславливаются во многом лексическими значениями слов, неоднородно определяющих тип родовых отношений — женское или мужское, полное или зависимое, старшее или младшее. Словообразовательные форманты *-к-* / *-к-* и *-ушк-* / *-cia (-uś)*, присоединяясь, по-разному по языкам отмечают тип и характер степени приближения — общего внеконтактного (*-к-* / *-к-*) или контактно близкого (*-ушк-* / *-cia (-uś)*), распределяясь затем узואльно и семантически.

Затронутые различия суффиксально себя выражающих форм-обозначений родства в лексико-семантическом, узואльном и экспрессивном соотношениях проявляют себя и далее, для других суффиксальных форм, с другими формантами-суффиксами. Различия эти, лексикализуясь в отдельных случаях, закрепляясь коммуникативно и узואльно в отношении социально и экспрессивно обозначаемого ими лица и/ли среды речевого использования, воплощают, с одной стороны, семантику категорий, определяющих комплексы представлений родства, а с другой, релятивную, внутреннюю, не осознаваемую семантику самих формантов, лишь на поверхностном уровне воспринимаемую как показатели субъективной оценки и эмоциональности, определяемые по грамматикам и словарям как ласкат., уничижит., фам, груб., пренебр. и т.п. И то и другое в данной статье могло быть в самом общем виде только намечено, на примере соотношений *О / -к- / -ушк-* и т.п. для некоторых слов из группы родства. Дальнейший анализ, с определением самих указанных категорий и вероятных значений формантов, требует более обстоятельного вхождения и углубления в материал, а также широкого привлечения сопоставительных данных.

В заключение хотелось бы лишний раз обратить внимание на то, что если между формами, скажем, *дева* — *девка* — *девушка* — *девочка* — *девонька* — *девушка* — *девчонка* — *девчоночка* существует как узואльное, так и смысловое отличие, то оно не случайно и не исчерпывается различиями субъективной оценки. За этим стоит что-то большее и системное. Так же

как, если *братик* — обычно маленький или младший брат по отношению к старшему и нередко в речи взрослых, обращенной к нему, а *браток* — редко брат, но гораздо чаще дружески фамильярное обращение равного к равному в мужской среде, то как объяснить это, исходя из того, что *-ик* и *-ок* определяются по грамматикам как морфы одного общего суффикса? Так же как трудно определить, а тем более объяснить узואльное и смысловое различие в формах *сестрица*, *сестричка*, *сестрёнка*, *сеструха*, *сеструня*, *сестрёнок*, *сёстрынька* и т.п., исходя из даваемых по грамматикам характеристикам соответствующих формантов, определяемых нередко как уменьшительные, ласкательные или ласкательно-уменьшительные. Чем объяснить то, что форма *палка* вовсе не коррелирует, как может показаться на первый взгляд, с формой *мамка*, расходясь с ней как узואльно, так и эмоционально и семантически? Или то, что, скажем, такие пары, как *дядя* — *дядюшка*, *тётя* — *тётушка* предполагают обозначением родственника (родственницу), а *дядя* — *дяденька*, *тётя* — *тётенька* — лицо скорее стороннее и незнакомое, в то время как *дядечка*, *тёточка* может быть, при типичном употреблении, как тем, так и другим. Эти и другие вопросы, легко возникающие в связи с очевидными соотношениями указанных, равно как и других подобных, номинативных форм, невозможно решить, опираясь на существующие словарные определения и грамматические характеристики. Необходим системный и категориальный анализ всего материала, учитывающий не выявляемые явно отличия, в том числе и лингвокультурологического характера, участвующие в формировании узואльных признаков соответствующих лексем, их форм и формантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова Е.Г. Имплицитная информация в лексике. // Имплицитность в языке и речи. М., 1999.
- Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М., 2005.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV, М., 1955.
- Зиновьева М.Д. «Русскость» как имплицитная информация в лексике и фразеологии. // Имплицитность в языке и речи. М., 1999.
- Русская грамматика. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I-II, Москва 1980.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I-III, М., 1958.
- Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998.
- Сухих С.А., Зеленская В.В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализации. Краснодар, 1997.
- Червинский П.П. Словообразовательные и лексико-синтаксические типы языковых единиц в народной песне. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1987. № 3; "Творчество и коммуникативный процесс" — Creativity & Communication Process (<http://www.nicomant.org>). Вып. Третий. Т.1 (1999).
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I-II. М., 1999.
- Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T.1-2. Warszawa, 2000.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Kreja B. O akategorialnym przyrostku ekspresywnym *-uchn-* (por. *mat-uchna, mal-uchn-y, plak-uchn-ać*) // *Studia i szkice słotwórcze*. Gdańsk 2002, s.189-197.

Kreja B. Słotwórstwo apelatywne pochodzenia propriálnego w języku polskim. // *Studia i szkice słotwórcze*. Gdańsk 2002, s. 21-26.

Smoczyński P. Nomina appellativa i propria we wzajemnym oddziaływaniu słotwórczym. // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego XXI*, 1962, s. 61-82.

Szymczak M. Nazwy stopni pokrewieństwa i powinowactwa rodzinnego w historii i dialektach języka polskiego. Warszawa 1966.

Szymczak M. O analogii semantyczno-słotwórczej w polskiej terminologii rodzinnej. // *Prace Filologiczne XIX*, 1969, s. 119-126.

Tokarski R. Struktura pola.znaczeniowego (studium językoznawcze). Warszawa, 1984.

Warchoń S. Geneza i rozwój słowiańskich formacji ekspresywnych z sufiksalnym *-k-* i *-c-*. Warszawa-Lódź 1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

БТС – Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.

МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Гл. ред. А.П. Евгеньев. Москва, 1981-1984.

ТС – Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. Под ред. В.В. Морковкина, М., 2000.

InSl. – Inny słownik języka polskiego. Red. M. Bańko. T.1-2. Warszawa 2000.

PSWPZg. – Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny. Red. H. Zgólkowa. T. 1-50. Warszawa, 1994- 2005.

SJPDor. – Słownik języka polskiego. Red. W. Doroszewski. T. 1-11. Warszawa, 1958-1969.

SJPLin. – Linde S.B. Słownik języka polskiego. T. 1- 4. Warszawa, 1807-1814.

SJPSzym. – Słownik języka polskiego. Red. M. Szymczak. T. I-III. Warszawa, 1978-1981.

SJPWar. – Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. I-VIII. Warszawa, 1927.

SlStp. – Słownik staropolski. Warszawa, 1953 i nast.

SWJPDun. – Słownik współczesnego języka polskiego. Red. B. Dunaj. T. 1-2. Warszawa, 1999.

© Зых А., Червиньски П., 2007

Красильникова Н. А.

Новоуральск, Россия

«В ПЛЕНУ У РУССКОГО МЕДВЕДЯ», ИЛИ СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В МЕТАФОРАХ БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Abstracts

Metaphors of political discourse conceptualize images of some country, political institution or a particular politician. Perception of our country abroad and foreign attitude that we can count on depend on the image of Russia created by foreign mass media. At that, one has to keep in mind that political metaphors are a most powerful means of manipulating public conscience, the cunning part of which is its latent impact that only a specialist is able to identify and confront. This article considers the metaphorical image of Russia and its President that is being created in the political discourse of the United States of America and Great Britain.

Для России 2006-ой год прошел крайне неоднозначно. Голубое небо благополучия, под которым был увеличен ВВП, погашены международные долги, созданы национальные проекты, направленные на повышение уровня жизни и развитие общества, омрачила цепь темных туч преступлений, которые разразились страшными грозами как внутри, так и за пределами государства. Бурная необъяснимая стихия при-

несла на небосклон политического дискурса новые яркие концептуальные метафоры, отражающие отношение той или иной страны к событиям, происходящим в России в период президентства В.В. Путина.

В данной статье метафорическое представление путинской России в британских и американских СМИ рассматривается с точки зрения когнитивного аспекта политической лингвистики. К исследованию привлекались следующие издания: *The Economist*, *The Financial Times*, *The Guardian*, *The Times*; *Business Week*, *Chicago Tribune*, *Los Angeles Times*, *The American Spectator*, *The International Herald Tribune*, *The National Interest*, *The New York Times*, *The Wall Street Journal*, *The Washington Post*, *The Washington Times*.

Большинство американских и британских СМИ возмущены антидемократическим развитием России и напуганы растущим количеством нераскрытых политических убийств, в связи с чем большая часть рассмотренных нами метафор, в которых концептуализируется образ России, Кремля, российского президента и общества, носят пейоративный характер и направлены на дискредитацию страны в целом. Напр.: *President Bush and Secretary of State Condi Rice have ramped up their criticism of what they see as Mr. Putin's backsliding on democracy*. (Президент Буш и госсекретарь Конди Райс увеличили объем критики того, что они называют отказом [скольжением назад] господина Путина от демократии.) [Arnaud de Borchgrave]; *So what Russia has now is an infantile democracy built through Soviet tools, and the freedom to shop... It takes only a moment for the fragility to show*. (Итак, что же сегодня имеет Россия? Детскую демократию, выстроенную советскими средствами, и свободу ходить по магазинам... Хрупкость такой системы может проявиться в любой момент.) [Walsh].

Прагматический смысл метафоры УСКОЛЬЗАЮЩЕЙ ОТ ДЕМОКРАТИИ РОССИИ, созданной первыми лицами США и незамедлительно подхваченной американскими СМИ, такой же неопределенный, как само «скольжение» – этакая дипломатическая уловка. Она не произвела бы международный скандал, но латентно настраивает население страны-поборницы демократии и прав человека на противопоставление России и США в лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ.

С этой же позиции жителям демократически развитых стран российская демократия представляется как ребенок, нежный и хрупкий, в то же время неопытный, неразвитый и нуждающийся в верном воспитании. Прагматический потенциал метафорической модели РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ – РЕБЕНОК, рожденной британскими журналистами, направлен на формирование снисходительного отношения к ней, и одновременно на возбуждение интереса к тому, как этот ребенок будет развиваться. Таким образом, внимание и интерес читателя акцентируется на наблюдении за Россией и соответственно сопоставлении ее с собой, что может привести к идеологии постоянного сравнения, где Россия будет выступать как антипод демократического государства. Похожая ситуация сложилась в СССР, когда политический дискурс